

Наталья
Шуцкая

Пелена

Собачелла

Время – юность!

Наталья Шицкая
Пелена. Собачелла

«ВЕБКНИГА»

2021, 2019

Шицкая Н.

Пелена. Собачелла / Н. Шицкая — «ВЕБКНИГА», 2021,
2019 — (Время – юность!)

ISBN 978-5-96-912292-5

В новый сборник Натальи Шицкой вошли две повести — «Пелена» и «Собачелла». В жизни Дани Скворцова все хорошо, кроме зрения. Без очков его мир — пелена. Чтобы помочь сыну, родители решаются на операцию, после которой жизнь Дани полностью меняется. И остается два варианта: притвориться, что ничего не знаешь, или принять все как есть. «Пелена» — финалист премии им. В. П. Крапивина, обладатель спецприза от «Свердловской областной специальной библиотеки для слепых» (2021). Открыть душу и впустить в нее человека, которого все вокруг считают изгоем, сложно. Это особый дар, которым обладают дети. Двенадцатилетний Андрей Колганов водит дружбу со странной соседкой по прозвищу Собачелла, которую окружающие ненавидят за фанатичную любовь к животным. Эта дружба ставит Андрея перед нелегким выбором, где на одной чаше весов оказываются любовь и карьера, а на другой — ответственность за чужие жизни. «Собачелла» — лауреат премии им. В. П. Крапивина в номинации «Выбор командора» (2019).

ISBN 978-5-96-912292-5

© Шицкая Н., 2021, 2019
© ВЕБКНИГА, 2021, 2019

Содержание

Пелена	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Шицкая

Пелена

Собачелла

Оформление Алексей Иванов
Иллюстрации Веры Коротяевой

© Шицкая Н. А., 2022

© «Время», 2022

* * *

Н а т а л ь я   Ш и ц к а я

Пелена Собачелла

П О В Е С Т И

Пелена

ПОВЕСТЬ

А вы когда-нибудь видели солнце? Могли рассмотреть, как лучи скользят по тонким, едва распустившимся листьям, разглядеть крылья бабочки, что присела отдохнуть на лепестки одуванчика, или разноцветный сетчатый глаз стрекозы? А может, вы когда-то видели, как муха, обычная муха, чешет лапками брюшко или собирает со стола крошки? Если вы всё это можете, знайте, вы – счастливики. Вот я не могу. Не то чтобы совсем не могу, но не так, как многие люди. Мой мир – пелена. Уж таким уродился. Глаза на месте, с мозгами всё в порядке, а вот зрения толком нет. Мама говорит, у меня какой-то жуткий минус. Да я и сам понимаю – минус. Не плюс же. Так и живу: я минус зрение. В детстве было еще ничего. Нормально было. Потом я научился читать, пошел в школу. И всё. Окончательно «посадил» глаза. Так тоже говорит мама. Мы из-за моих глаз все время ссоримся. Ей жутко не нравится, что я читаю под одеялом при свете фонарика. А что мне делать, если книжка интересная, а свет уже выключили и спать отправили? Не бросать же чтение. Мама как-то со злости все мои книги выкинула.

– Даня, читать теперь будешь только по мере необходимости! Только то, что задали по школьной программе. И днем, при свете лампы. А остальное я отнесу на помойку. И так ничего не видишь, а тебе еще учиться и дальше жить. С таким-то зрением...

Это она часто так говорит. А потом шумно вздыхает и становится такой маленькой и беззащитной, что я никогда на нее не обижаюсь. Пусть ругает сколько хочет, только бы не вздыхала и не вспоминала про мое зрение. Ее эта тема всегда очень огорчает.

Книги она, конечно, никуда не выкинула. Сделать это у нее никогда рука не поднимется. Я знаю. Спрятала на самую верхнюю полку шкафа, снизу их и не заметишь. Но я это секретное место давно обнаружил. Раньше родители там хранили подарки, купленные нам с сестрой на дни рождения. Поэтому забрался на стул и нашел мою любимую коллекцию – все истории про Алису писателя Кира Булычёва. Я их уже раз десять перечитывал, каждую строчку на зубок знаю, а не надоедают. Книги я перепрятал и стал брать по одной с собой в школу – читал на переменках. Все ребята по коридорам носятся, а я читаю. Хорошо. Только шумно и отвлекают часто.

Недавно мы пошли к одному важному врачу, и он маме «открыл глаза» на чтение. Вот смешно – глазник открыл глаза. Этот важный доктор приехал из другого города, приемы проводил. Мама говорит, что он работает в главной глазной клинике области.

– Чтение на здоровье вашего мальчика никак не влияет, – глубокомысленно заявил этот старенький профессор. Услышав такое, я крепче сжал мамину руку, обрадовался несказанно. А важный доктор продолжил: – Наоборот, чтение – это постоянная тренировка для глаз. Но... – тут он поднял палец и замер. Мы с мамой замерли вместе с ним. – ...Если читать книги, написанные крупным шрифтом, при хорошем освещении и непродолжительное время.

Бой был почти выигран. Внутри у меня все пело и плясало. И когда я уселся напротив светящегося экрана, чтобы в тысячный раз в жизни рассказать, какая там написана буква – Н или К, представлял себе гору книг, которые теперь непременно прочту. Ведь теперь можно! И мама не будет против. Я даже придумал, где я их раздобуду: у моего соседа по парте Сани Головина мама работает в библиотеке, так у них дома сто тысяч миллионов детских книжек.

Я честно оттарабанил все эти Б, В, М. Все, что видел, конечно. Некоторые угадывал по памяти: за столько лет таблицу я успел выучить, и там, где меня подводило зрение, память безошибочно была в цель. У доктора от такой меткости даже очки с носа слетели. Мама тоже выглядела удивленной, но я был собой горд. Еще бы – почти все! И на зубок! А потом мы пошли в темную комнату. Тут я сидел тихо, как мышка, и слушался, исправно выполнял все «посмотри вверх, вниз и вбок». Еще бы! Ведь передо мной был самый лучший доктор в мире. Он разрешил мне читать! Поэтому я знал, что могу ему доверять.

Но он, похоже, моих светлых чувств не разделял, все время хмурился и морщился. Несколько раз заставил меня скосить глаза вправо. А это, между прочим, ужасно больно. У меня даже голова закружилась.

Когда мы вышли, у мамы было такое взволнованное лицо, что мне казалось, что она сейчас из этого доктора всю душу своими расспросами вынет. Я видел, как она старательно молчит, ждет, пока он сам скажет. Но доктор ничего не говорил. Он сел за стол и принялся что-то записывать в мою медицинскую карточку. Мама ерзала на стуле и теребила в руках сумку. Когда она волнуется, она всегда что-то теребит, поэтому все сумки, карандаши, ручки и даже телефон у мамы в ужасном состоянии. Доктор молчал долго, потом посмотрел на меня и сказал:

– Даня, в холле такой чудесный детский уголок: цветные карандаши, раскраски, игрушки даже есть. Беги посмотри. Мне еще долго тут писать, соскучишься.

Мама кивнула мне и нетерпеливо подтолкнула к двери. «Раскраски, карандаши...» Будто я не понимал, что доктору просто надо обсудить с мамой мое здоровье, вдвоем, без лишних, то есть без моих, ушей.

Я неспешно прогулялся до детского уголка. Скукотища! Все для малышей. И раскраски там с такими мелкими деталями, что просто преступление было отправлять меня их рассматривать, тем более что очки мои остались в кабинете врача, а без них все эти линии, черточки и палочки сливались в один клубок. Выглядело это так, будто нитки перепутались, переплелись вместе и их не под силу было бы размотать даже самой умелой бабушке. И я вернулся к кабинету. Сначала хотел войти, но подумал, что это будет невежливо – мешать взрослым, поэтому просто уперся в дверь лбом и стоял ждал, когда она откроется. Успею отскочить или нет?!

Я честно не хотел подслушивать. Так получилось.

– Остаться без зрения в восемь лет! – вздыхала мама. Голос у нее был какой-то сдавленный, совсем чужой. Я даже не сразу понял, что это она говорит. Просто в кабинете их было двое: мама и врач, не мог же старенький доктор говорить женским голосом.

– Так и будет, если сидеть сложа руки. Не в восемь, так в десять, одиннадцать. Какая разница! Парню вашему еще жить да жить.

– Охэхэхэ, – в ответ услышал я какой-то нечленораздельный хрип.

– Поймите, у него прогрессирующая миопия средней степени. Если сейчас не остановим, потом будет только хуже. Мальчишка крепкий, организм молодой. Восстановится он быстро. Стопроцентное зрение, конечно, не обещаю. Его можно скорректировать чуть позже, когда подрастет. А пока склеропластика. Затормозить процесс, немного улучшить состояние мы можем.

– Охэхэхэ...

– Решать вам! Риски я объяснил, обо всем предупредил. Приедете ко мне в клинику. Госпитализацию, – тут доктор, видимо, зашуршал листами в блокноте, – госпитализацию назначаю через две недели, на понедельник. К этому времени вы должны сдать все анализы и взять справки у педиатра. Жду вас в отделении в восемь утра.

– Мы подумаем, – тихо ответила мама.

Отсюда, из-за двери, мне показалось, что так, еле слышно, со страхом можно разговаривать, только если перед тобой сидит огромный паук или кобра. Но доктор, конечно, ни на одного, ни на другого похож не был. Чего она тогда так испугалась? Моей операции? Но ведь это даже интересно. Знаю, мне уже делали – правда, другую совсем, косоглазие исправляли. Да я это плохо помню. Мне года четыре тогда было. Сейчас будет веселее. Лежать одному в больнице! Ерунда какая, поваляешься денек-другой с заклеенными глазами, и все. Зато в школу можно не ходить, а слушать аудиокниги, потом будет о чем рассказать одноклассникам.

Доктор за дверью что-то громко говорил, но я не вслушивался, думал о предстоящей операции, точнее – о предстоящем приключении. К разговору я вернулся на словах:

– ...Срок вам до завтрашнего утра. Посоветуйтесь с родными, подумайте. Решать вам, – говорил доктор жестко, с напором. А потом сделал паузу и, будто обессилив, произнес: – Пожалеите парня.

– Мы подумаем, – вновь ответила мама, как по заученному. Судя по звукам, быстро сгребла со стола все мои медицинские бумажки: карточку и направления – и поспешила к двери. Открыла она ее так быстро, что я даже сообразить не успел, что надо отскочить в сторону. Так и прилетело мне прямо в лоб. В лоб прилетело, а сам я отлетел. Мама опять заохала и принялась отскребать меня от пола. Я там так растянулся! Встаю и хохочу. Смешно получилось. Только вот шишка болит и попа тоже. Бывает такое: ударишься вроде один раз, а болит сразу в двух местах. Со всех сторон болит, можно сказать.

Домой я ехал в отличном настроении. В предвкушении, что завтра ребятам в классе шишку покажу. Здоровая она получилась. Отменная. Красовалась на пол-лба, да еще покраснела, как звезда на новогодней елке. Ребятам скажу, что подрался с соседскими мальчишками. За кошку, например. Они хотели котят у нее отобрать, а я вмешался, всех разогнал. Ну получил маленько, всякое бывает, но кошку с малышами спас. Одноклассники у меня хорошие, хоть мы друг друга пока плохо знаем. В их школу я перешел только два месяца назад. Первый класс окончил в обычной, и тут мама решила, что с таким особым зрением, как у меня, надо идти в особую школу. Иначе пиши пропало. Оценки полетят, знания будут на нуле. Это она так бабушке сказала в конце учебного года. Я не сопротивлялся. В старой школе, конечно, тоже отличные ребята были, особенно Саня Песков, мы с ним за одной партой сидели да и до сих пор дружим, он ко мне во двор часто после уроков забегает. Но и парочка хулиганов там тоже водилась. Аркаша Стрельников обзывался очкастиком и другими противными словами. Обидно, конечно, было, но не слишком. Я же понимал, что это он от незнания говорит. Тем, кто видит на все сто, мир другим кажется, поэтому Аркаша понять и не может, как это – тыкаться носом в тетрадь или читать с доски, только когда стоишь в метре от нее, то есть почти вплотную. Если бы он мог увидеть все моими глазами, то, наверное, не стал бы дразниться.

В новой школе никто не дразнится, пальцем не показывает и плохие слова про зрение не говорит. Это частная школа. В классе нас всего десять человек. И надо же, четверо такие же, как я! Очкастики и слепошарики. Не знаю, мама специально, что ли, мне так школу подбирала, чтобы не чувствовал себя белой вороной? Или так получилось? Кстати, интересно, а почему вороной, а не змеей или пандой? Мне именно эти животные подошли бы. Из-за очков, конечно. У них же тоже они имеются. Был бы я тогда очковой змеей и жалил всех, кто смеется. Аркашу Стрельникова, например. Хотя нет, для змеи я слишком добрый. Зуб бы на человека не поднялся. Точнее, рука. Стрельников – неплохой парень, просто он не понимает. Это всегда так. Все ссоры и обиды из-за того, что кто-то кого-то не понимает.

А я вот всех очкариков понимаю прекрасно. Мы с мамой до моей новой школы ходили смотреть другую, ту, что на противоположном конце города, коррекционную. Пока мама с их директором и медиком разговаривала, я по коридорам слонялся. Интересно же. С одним мальчишкой познакомился взрослым, класса, наверное, из пятого. Он из кабинета вышел и по стеночке шел. Будто подпирал ее, будто она без него обвалится. Но это я сначала так подумал, а потом понял, что он видит плохо, поэтому старается ближе к опоре идти, чтобы не налететь на кого-нибудь. Там хоть и глазная школа, а тоже летают на переменах неплохо. Не все, конечно, а те, кто хоть что-то видит. Шило-то в этом самом месте у всех одинаковое, как говорит бабушка, хоть с глазами ты, хоть без. Я тому мальчишке помог до другого кабинета добраться. Все же не чужой человек, тоже очкарик, не бросишь. Да и мало ли – вдруг мне потом дружба с пятиклассником пригодится? Станет кто-то приставать из ровесников, а я такой: «У меня друг в пятом. Да он тебе...» И сразу отстанут.

Связи негодились, но хоть доброе дело сделал. В общем, в ту школу меня не взяли. Сказали, не дотягиваю по диагнозу. Тогда мама начала искать мне частную, то есть платную школу за какие-то громадные деньги.

– Ничего. Проживем. Только бы учился нормально. И не обижали.

«А то самооценку ребенку испортят», – так мама сказала бабушке. Я услышал совсем случайно. Не подслушивал.

Но это было давно. А сейчас я ехал домой из больницы счастливый, как кот после банки сметаны. Поводов для радости – гора. Во-первых, шишка. Я ее в окошко такси всю дорогу рассмотреть пытался, не получилось, пришлось на ощупь с ней знакомиться, как те ребята из школы. Во-вторых, операция. Целое настоящее приключение. Несколько недель самостоятельности, без бабушкиных пирогов с капустой, которые жутко не люблю, но ем, чтобы бабушку не обижать; без маминого присмотра (что я маленький, что ли?); без старшей сестры. Хотя тут как раз можно поспорить. Я ее и так почти не вижу. Живем в одной квартире и не встречаемся. Только утром в очереди в ванную или туалет и вечером, если получится. Правда, иногда она меня в школу отводит и из школы забирает. Но обычно бабушка приходит. А Светка допоздна гуляет с какими-то мальчишками. Слышал, как она по телефону подружке говорила, что ее Мирон из класса на свидание позвал. Тьфу ты, Мирон! Имя какое дурацкое. Видимо, и сам он такой же. Мииии-роооон. А она побежала к нему, чуть дверью меня не снесла. Так вылетела, что шум стоял. Конечно, пятнадцать лет, все можно. А мне вот одному гулять не разрешают. Поздно, темно, страшно, ушибешься, украдут, наступишь не туда, провалишься... Одни запреты. Гуляю только с родителями. Но с мамой гулять неинтересно. Она все время мне что-то поправляет: то шапку, то варежки, то ватрушку, если с горки качусь. Стоит рядом, контролирует. С папой – другое дело... Вот бы он поскорее из командировки приехал, он со мной бы везде ходил и все разрешал. Обещал, что скоро вернется. Билет, говорит, уже взял. Хоть бы шишка до его возвращения не сдулась. Показать. Можно, конечно, сфотографировать и отправить ему, но оно же все не то. Шишку щупать надо. На ощупь она куда внушительнее, а фотка этого ну никак не передаст. Да и видео тоже.

Папа из дома уехал очень давно. Я как раз собирался переходить в новую школу, а тут бац – родители сказали, что папе по работе надо на время переехать в другой город. В нашем городе нет таких зарплат. Каких таких, я не понял. Ну что поделаешь, родителям виднее. В общем, папа уехал... Теперь каждые выходные мы общаемся по видео-связи. Чаше нельзя, папа в будни на работе занят. Днем я ему только сообщения пишу, чтобы не отвлекать. Да он редко на них отвечает. Звонит тоже редко. Некогда. А видео – это здорово. Он вон как далеко, а вроде и близко. Только рукой не достать, на колени не забраться, на шее не повисеть, в парк вместе не сходить. Многого по этой самой видео-связи не сделать. Но он же вернется! Обязательно. Я жду. И мама ждет, и бабушка, и сестра, хоть и бегают к своему Мирону. Я точно знаю – она папу ждет. У нее в комнате на столе стоит его портрет в рамочке. Не какого-то там Мирона-Пирона, а нашего любимого папочки.

Во время следующего сеанса связи обязательно ему про врача и операцию расскажу, пусть вместе со мной порадуются. Писать пока не буду, чтобы сюрприз. Но до выходных долго. Два дня школы.

После ужина я как обычно забрался на постель с книгой. Получил же разрешение, нужно пользоваться. После слов профессора мама не должна ругаться. Даже лампу настольную поставил, специально ее на полную мощность включил и придвинул поближе, чтобы в случае чего маме показать, что вот, мол, выполняю наставления врача. Только открыл книгу, самую мою любимую, «Лиловый шар», как тут же с порога:

– Даня, не надо.

Смотрю, а мама в дверях стоит. Лицо красное, опухшее, а под глазами круги фиолетовые, будто кто специально циркулем прочертил и потом фломастером закрасил. Но она у меня даже с такими кругами красивая, хоть и растрепанная немного. Села ко мне на постель, книжку забрала и говорит:

– Давай лучше я тебе сама почитаю. Как в детстве, – и обняла меня, а потом поцеловала.

Честно признаюсь, люблю, когда мы с мамой вот так сидим. Вдвоем. В обнимку. Пока никто не видит – можно. При ребятах в школе или во дворе ни-ни. Даже в лоб себя чмокнуть не даю. Вышел уже из того возраста, чтобы нежности всякие показывать. А дома можно. Днем

от мамы духами пахнет. Мне этот запах огурцы напоминает, свеженький такой, приятный. А по вечерам обычно котлетами или пирожками, всем, что на плите. Огуречные духи, конечно, приятнее. Но котлетные куда роднее. С ними мама из красивой строгой тети, немного чужой и далекой, снова становится моей. Домашней, ласковой, заботливой мамочкой.

Мама забралась ко мне на кровать. Я укрыл нас одеялом, придвинул к ней лампу, чтобы маминым глазам было приятно читать, и прижался сильно-сильно, так, что слышал, как у нее внутри, где-то глубоко в груди, зарождаются слова. Не успевала она сказать фразу, как я уже мог ее расслышать.

– *Вы знаете!* – закричал он. – *Вы знаете, что я нашел!*

– *Лиловый шар?* – удивился Громозека.

– *Нет!* – сказал отец. – *Я выделил вирус! Вирус злобы. Вирус, который когда-то очень давно попал в кровь всех живых существ на планете и произвел необратимые изменения в нервных клетках жителей планеты. От людей до комара. Это удивительное и страшное открытие.*

– *А он заразный?* – спросил с опаской Громозека, который очень боялся заболеть.

– *Сейчас уже нет. Когда-то он был крайне заразным. Этот вирус попал в кровь людей, которые жили здесь. Ненависть друг к другу привела к войне и погубила их.*

– *А против вируса есть лекарство?* – спросила Алиса.

– *Наверное, лекарство можно найти. Против всех вирусов постепенно находят лекарства. Ведь вылечили люди и грипп, и рак, скоро, может быть, вылечат и насморк... Но это потребует многих дней труда, и не мне одному решать эту задачу.¹*

Мама дочитала предложение и отложила книгу.

---

¹ Цитируется по: Булычев Кир. Лиловый шар. – М.: Эксмо, 2018, с. 369–370.

– Вот почему людям обязательно надо причинять друг другу страдания? – задумалась она вслух над прочитанным. – Неужели нельзя без ссор, обид или вот этих дурацких лиловых шаров?

Мама будто мои мысли проговорила. Я всегда об этом размышляю, когда читаю Булычёва. Взять, к примеру, Аркашу Стрельникова, вот он зачем мне свой лиловый шар подсовывал. Обзывал, дразнил так, что и другие ребята подхватывали. Это как заразу по воздуху разносить. Один заболел, другой подхватил, смотришь – и уже весь класс чихает, плохими мыслями заражается. Это как болезнь. Так я маме и сказал:

– Они, мама, наверное, в детстве прививку от злости не ставили, вот и заразились все. А потом на других перешло. Помнишь, как я в садике ветрянкой болел, Светку заразил и мы потом зеленые в крапинку ходили.

Мама грустно улыбнулась:

– А что это за волшебная прививка, которая от злости уберечь может?

– Ну, – протянул я, – это не совсем прививка. Без всяких уколов. Наверное, если тебя очень любят, ты не можешь сделать плохое. Но любят просто так. Не за то, что домашку даешь списывать или игрушками делишься, а просто так. Вот как вы с папой любите друг друга, а еще меня и Светку.

– Да. Наверное, – рассеянно ответила мама, будто и не со мной уже разговаривала. Наверное, про книгу продолжала думать. И голос был какой-то странный.

Она погладила меня по голове, легла, отвернулась и начала расспрашивать про школу. А я-то ей уже по дороге в больницу все рассказал. Чего еще добавить? А мама опять, будто забыла. Тогда я ей начал про компьютерную игру рассказывать, в которую Олег – мой новый

одноклассник – рубится. Мне играть нельзя. Зрение! Даже ноута и планшета у меня нет. Только у родителей и Светки. Я включаю иногда, когда дома никого, но так, чтобы не знали. Все следы потом удаляю. Хочется же поиграть. А Олег такую стрелялку скачал – закачаешься! Вот я про нее и рассказывал. Но мама меня почти не слушала. Время от времени говорила «угу» и «ага», но больше ни о чем не спрашивала.

Пока я рассказывал, не заметил, как уснул. Просыпаюсь – мамы рядом нет, на кухне свет горит. Блестит там щелочка внизу под дверью. Значит, мама с бабушкой чай пьют, день обсуждают. Я в коридор. Ну, нужно было, по делам. А дверь в туалет как раз у нас рядом с кухонной. Думаю, как бы пробраться, чтобы мои не услышали. Бабушка всегда ругается, когда я по ночам скачу, да без тапок по холодному полу. Дохожу до двери, только за ручку взяться, как слышу – мама плачет. Тихо так всхлипывает, а бабушка чашками гремит, чай ей успокоительный наливает. Она сама этот чай литрами пьет и родителям иногда подсовывает. Говорит, вы со своими работами совсем невротиками станете. Слово смешное какое – «невротики»! Значит, существуют и вротики. А может, даже вносики, вглазики, врутики и вголовотики.

Я подслушивать не люблю, оно само как-то получается. Не уходить же, когда маме плохо. Вот я и остался. К кухонной двери ухом прислонился – ноги без тапок мерзнут, в туалет хочется, а терплю. Вдруг бабушкин чай не сработает и маме помощь моя понадобится. А я уже тут. Наверняка она из-за меня плачет. Хотя я ей много раз объяснял, как здорово мне будет в больнице, не поверила. Вообще, у меня мама такая... порыдать любит. Глаза на мокром месте, как бабушка говорит. И сейчас она ей тоже:

– Хватит рыдать, Наталка, не конец света. Образуется все как-нибудь.

Наталка! Так маму зовет только бабушка. Она ее так называла, когда мама маленькой была.

Ну, думаю, действительно хватит рыдать. Нашла из-за чего расстраиваться! Что я, не мужчина? С какой-то операцией не справлюсь? И хотел было уже зайти и сказать это маме, но она почему-то разговор на другую тему перевела, о чужих людях заговорила.

– Да ты ничего не знаешь. Он же в школу сегодня приходил к ней. Стоял за забором и ждал, когда после уроков выйдет.

– Да ну! Откуда знаешь? – это уже бабушка спросила. Тоже, видимо, про других интереснее послушать, чем про меня.

– Анька младшую дочку из школы встречала, видела.

– Соседка?

– Да, – ответила мама. – Он близко не подходил, за кустами прятался. Но, мне кажется, заметила она его. Весь вечер не разговаривает, в комнате заперлась.

– Бедная девочка! Предупреждала я, что правда откроется. Нельзя так с людьми, как в игрушки играть.

Бабушка хотела еще что-то сказать, наверняка что-то интересное про соседку, но тут я себя выдал. Точнее, меня выдал наш кот Бакс. Подошел сзади тихонько, лапой меня по ноге огрел, ну я и подпрыгнул от страха и в кухню ввалился. Глаза шальные, дверная ручка в руках. Я ее так и не отпустил. Мама и бабушка на меня смотрят удивленно, я на них испуганно. А Баксу хоть бы хны. Напал на меня и спокойно к миске пошел, слопал свою порцию и назад к лежанке. Я с ним в коридоре снова столкнулся, когда бабушка меня тапкой в спальню погнала. Ругалась, грозилась да и поддала немного, что чужие разговоры подслушиваю. Не больно, но обидно. Хотя... справедливо, конечно. Но я все равно ничего не понял, если честно. Что они там про тетю Аню говорили, кто к школе приходил и почему соседка так огорчилась. А самое главное, почему от этого плакала мама. Я до подушки добрался и сразу же про это забыл. Нужны мне их разговоры! Есть мысли и поважнее. Например, про шишку. Надо ее завтра классу во всей красе показать. А потом и папе. Ему понравится!

Утром я глаза открыл – темно за окном. И в комнате темно. Смотрю на часы на мобильнике – всего шесть с пятью минутами, а квартира уже своей жизнью живет. Мама со Светкой ругается, бабушка на кухне сковородками гремит. Значит, нервничает. Я это без проблем угадываю. Обычно бабушка тихо готовит, еле-еле кастрюльки переставляет, особенно по утрам, когда все спят, а она разбудить боится. Говорит, что утро должно начинаться с ароматного запаха завтрака, а не с шума. А тут вот... Еще и не утро даже. Так, поздняя ночь. А шум уже на всю ивановскую – это тоже бабушкино любимое выражение. Я, когда маленький был, думал, что Ивановская – это фамилия какой-то крикливой тетки. Она разговаривает шумно, вот и слышно всю Ивановскую. Мама мне потом про площадь в Москве объясняла и что наша бабушка неправильно это выражение произносит. Там про крик должно быть. Но мне моя Ивановская, которая тетка, а не площадь, нравится больше. Я с ней с самого детства. Привык уже. В общем, ругаются они, а я лежу и слушаю. Мама кричит, что он не должен был так поступать. И вырастешь – поймешь! Светка, что ей и так все ясно. И дверью хлопает. Это они, наверное, про Мирона ее. Бабушка как-то давно уже возмущалась, что она бежит по мальчикам вместо учебы и может что-то принести в подоле. Еще уши мне приказывала закрыть, будто я маленький. Про подол я, честно, не понял. Но про остальное-то ясно. Светка с этим Мироном целуется. По-взрослому! Фу, гадость! Бабушке, наверное, тоже не нравится, когда целуются, иначе так не возмущалась бы.

А тут бабушка молчит. Сковородками грохает и молчит себе. А мама голос сорвала, хрипит у Светки под дверью, просит открыть. И плачет. Тут я уже не выдержал, побежал маму успокаивать. Все, что думал про Мирона-Пирона, ей рассказал, дураком обозвал, а мама вдруг как рассмеется. Хохочет и меня обнимает.

– Мирон-Пирон! Света, мама, вы слышали? Пирон! Ха-ха-ха!

Мама от смеха аж по стеночке сползла. Села на пол как была – в юбке, в которой на работу ходит, и хохочет, надрывается. Светка из комнаты высунулась, ржет во весь голос, а сама плачет. Слезы градом катятся. Нос распух, во все лицо стал. Светка всегда по сто раз в зеркало смотрится, на носу какие-то черные точки ищет, а тут даже про них не вспомнила. Села рядом с мамой, на плечо ей голову положила, рыдает.

– Пирон, – говорит.

Бабушка из кухни с кастрюлей каши вышла, к косяку дверному прислонилась и смотрит на нас:

– Ну и семейка у меня. Мирон-Пирон, – и сама как от смеха прыснет.

Смех у нее булькающий. То ли смеется, то ли кашлять собирается. Бабушка булькает, и каша в кастрюле булькает. Как только на пол вся не выбулькалась, пока бабушка ее до стола донесла.

Так мы завтракать и сели: хохочем, ложки стучат, о края тарелок бьются, а Светка слезами кашу заливает. Манную. Сладкую. Преступление просто – из-за ерунды бабушкину кашу портить.

Доели кое-как и в школу со Светкой пошли. Она меня до крыльца довела и убежала, чтобы к первому уроку успеть. Ей от моей школы до своей минут пятнадцать топать. А я на ступеньках остался, одноклассников ждать. Не всех, конечно, а с кем подружился: Ростика, Лёву и Владу. Она у нас в компании одна девчонка. Влада как раз первая и пришла.

– Привет! – крикнула.

Даже до ворот школьных не добралась, уже кричит. И портфель снимает. Лихо так, в один щелчок. На кнопку впереди нажала, которая лямки скрепляет, плечи назад опустила, раз – и сумка уже на земле. В лужу застывшую плюхнулась. Влада посмотрела, рукой махнула.

– Побежали листья разбрасывать? – это она мне.

А меня долго упрашивать не надо. Я портфель давно снял, как только Светка ушла, и сменку рядом кинул, с ними бегать неудобно.

Порядком мы в листве искупались. Потом еще Ростик подошел, помог мне Владу засыпать по шею. Тут по-честному надо было, чтобы полностью, с руками. А Влада посидеть нормально все не могла. Машутся у нее руки, когда разговаривает, каждое слово – взмах. Как тут одному нормально зарыть! А вместе справились. Влада в листьях немного посидела да как вскочит – и давай нас обкидывать. У меня лист даже к очкам прилип. Пока отдирал, Ростик с Владой успокоились, встали рядом, начали грязь с курток счищать, с шапок стряхивать. Как-никак на уроки скоро, минут через пять где-то. Тут и Лёва прибежал. Расстроился, что мама его поздно привела и он веселье пропустил. Пнул кучу из листьев, которую мы нагребли, и говорит:

– Не хочу в школу. У некоторых каникулы всюю, а нам опять правила зубрить.

– Каникулы только через неделю, – отозвался Ростик.

– Ну это у нас. А старшеклассники из пятнадцатой гуляют. Несправедливо.

– Ага, – говорю, – гуляют. У них там завал. Вот у Светки контрольная скоро, готовилась на выходных.

– Твоя Света как раз и гуляет, – отвечает мне Лёва. – Около аптеки стояла, когда я в школу шел.

Я ему не поверил. Светка меня сюда забросила и к себе побежала, а аптека, о которой Лёва говорит, совсем в другой стороне. Каникул у нее никаких нет. Прогуляла? Не может такого быть. По вечерам, конечно, она постоянно на улице, но уроки никогда не пропускает. Светка – отличница, медаль золотую хочет, после девятого в десятый собирается. Либо Лёва обознался, либо тут в Мироне-Пироне дело. С самого утра сегодня он нашей семье жить мешает. Встречу – взбучку задам. И не посмотрю, что девятиклассник. На стул встану, если так до носа не дотянусь, но он свое получит, чтобы Светка с мамой не плакали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.